

Кемов Эльдар Мурадинович

Магистрант

Направление: Юриспруденция

Магистерская программа: Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза, теория оперативно-розыскной деятельности

**Понятие и значение средств доказывания в уголовном
судопроизводстве**

Аннотация. Статья посвящена определению понятия доказывания в уголовном судопроизводстве, выявлению и исследованию проблем, связанных с понятийным аппаратом расследования уголовных дел. В статье анализируются основные подходы к трактовке понятия «доказывание» имеющиеся в научной литературе, а также формулируется авторская дефиниция в рамках настоящего исследования.

Ключевые слова: понятие, доказывание, средства доказывания, обстоятельства подлежащие доказыванию.

Средство доказывания – достаточно распространенный термин, в понимании которого, однако, нет единства. Впрочем, временное отступление от цели достижения материальной истины за счет этих средств оправдано не всегда, а лишь ради достижения в судопроизводстве баланса интересов общества и личности. Понятие такого баланса не сводимо только к таким формам, как «сделка с правосудием» или примирение сторон, – оно намного глубже.

Полагают, что цель доказывания есть истина. Однако логичнее предположить, что целью доказывания является доказанность. Юридическое доказывание состоит в установлении «обстоятельств дела» в прагматических целях принятия на их основе процессуальных решений, что далеко не

равнозначно познанию истины. В каждом ли случае доказанность «обстоятельств дела» означает истинное или хотя бы достоверное знание?

Достоверность («достойное веры») есть наше субъективное представление об истине. Но субъективность предполагает, что об истинном характере знания субъект может судить лишь по имеющемуся в его распоряжении практическому опыту, который также может рассматриваться как та система знания, в рамках которой устанавливается логическая непротиворечивость проверяемого знания, то есть как критерий истины. Следовательно, достоверным следует считать только такой вывод, который учитывая весь имеющийся в распоряжении субъекта наличный опыт, оставляет лишь одно логически непротиворечивое объяснение, не зная из него никаких исключений [1].

Однако опыт у разных людей различен, поэтому право вынужденно было изобрести для себя свой особенный критерий истины, когда единственным легитимным и приемлемым опытом принимается тот, который закреплен в системе судебных доказательств по делу. Любой другой опыт, в т. ч. полученный субъектом принятия основных процессуальных решений в результате не процессуального познания, включая собственное чувственное восприятие, запрещен и недопустим. Платой за относительную надежность доказательств является сужение общей опытной базы, то есть сознательный отказ от возможности познания фактов любым другим, не процессуальным путем, что автоматически делает понятие доказанности консенсуальным, а значит, не вполне равнозначным понятиям истинности и достоверности.

Поэтому возможен такой случай, когда факт приходится считать доказанным, в силу того, что на него указывают все имеющиеся в деле доказательства, несмотря на то, что не процессуальный опыт оставляет место и для иного объяснения. В подобной ситуации вполне доказанный вывод одновременно может являться и недостоверным. Причем благодаря системе доказательств, которой вынуждено придерживаться правосудие (ибо другой системы не существует), не только недоказанность, но и полнейшая

доказанность виновности, так сказать «по бумагам», может фактически быть заведомо недостоверной [10].

Впрочем, доказанность порой имеет место и при недостаточности доказательств, поскольку доказательства не единственный инструмент в доказывании, если понимать под ним не просто собирание, проверку и оценку доказательств, а процессуальное установление обстоятельств дела, пригодных для вынесения итоговых решений. В подобных случаях доказывание перемещается с начальных – информационного и логического – уровней, на которых собирают сведения и оценивают их посредством формальной логики, на третий уровень – юридический, где действует особенная, юридическая логика. Здесь доказанным всегда считается то, что заведомо не достоверно (в т. ч. вероятно), хотя и не обязательно ложно.

С позиции внешнего выражения в материальном мире выделить их из «не иных» невербальных доказательств было бы весьма сложно, поскольку это «сведения, зафиксированные как в письменном, так и в ином виде. К ним могут относиться материалы фото- и киносъемки, аудио- и видеозаписи и иные носители информации».

Очевидно, речь идет не об иной форме, а об ином содержании документов, точнее, информационной (гносеологической) природе содержащихся в них сведений, еще точнее, пути формирования доказательства вне властной составляющей их собирания в результате требования действий либо формирования. «Иные документы» могут быть представлены лицами, не ведущими уголовный процесс (в том числе по требованию об их представлении), либо обнаружены лицами и органами, ведущими процесс, целиком, без изменения, дополнения, уточнения [2].

«Иными» документы являются по отношению к документально оформленным доказательствам, сформированным должностными лицами и органами, ведущими уголовный процесс, либо на основе сформулированного ими задания. Однако к ним уже отнесены (исходя из исторического толкования) акты ревизий и документальных проверок. Подобное противоречие

наблюдается также в отношении использования в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности [8, 9].

Эти результаты могут быть использованы в результате так называемой легализации, основные пути которой – получение свидетельских показаний, получение предметов и документов. Стоит сразу выделить гласные оперативно-розыскные мероприятия. В качестве «иного документа» их результаты рассматривать нельзя, это явно не отвечает требованию соответствия сведений и источника в определенном виде доказательств. Но практика допросов оперативных сотрудников в качестве свидетелей на предмет поведения опрашиваемых также вызывает недоумение.

Как известно, от лица, ведущего уголовный процесс (следователя, дознавателя, судьи), не могут исходить доказательства. Поэтому, даже обладая специальными познаниями, оно не вправе производить экспертизу. Делать выводы (даже очевидные сравнительные) в протоколах следственных (судебных) действий оно также не вправе.

В соответствии с абз. 2 п. 1 ст. 15 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» «в случае изъятия документов, предметов, материалов при проведении гласных оперативно-розыскных мероприятий должностное лицо, осуществившее изъятие, составляет протокол в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации» [7].

Однако УПК РФ не регламентирует такого процессуального действия, как изъятие, и требований о составлении протокола такого действия не содержит. Понятно, что «иным» документом «протокол, составленный в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации» служить не может. На какой основе при этом можно приобщить к уголовному делу все изъятые? Не ясно [3].

Недостаточная определенность с исчерпывающим перечнем видов доказательств также проявилась с началом практики привлечения к расследованию полиграфа («детектора лжи»).

Долгое время считалось, что именно этот источник сведений (результат применения полиграфа) исключается конструкцией статьи УПК РФ о доказательствах. Впоследствии к таким источникам прочно прикрепились название «заключения экспертов». Даже формулировки, избираемые Верховным Судом РФ, не лишают результаты применения полиграфа статуса «результатов экспертиз», а среди оснований их отвергнуть названы не только отсутствие в ст. 74 УПК РФ, но и другие аргументы [4, с. 100–105].

Многие полагают, что единственный законный способ добиться победы в суде – это собрать как можно больше неопровержимых доказательств и с их помощью убедить всех в истинности своих утверждений.

Временное отступление от цели достижения материальной истины за счет этих средств оправдано не всегда, а лишь ради достижения в судопроизводстве баланса интересов общества и личности. Понятие такого баланса не сводимо только к таким формам, как «сделка с правосудием» или примирение сторон, – оно намного глубже. Если сделка может быть заключена ценой паллиатива, или отказа от публичных целей в пользу узких, частных групповых интересов, то понятие баланс публичных и частных интересов есть правовой континуум, в котором в общем и целом ничего не убавляется и не прибавляется, а лишь перетекает из одной формы в другую, без ущерба для общего объема и функциональности системы [5, с. 239–249]. То есть отступление от публичных целей в пользу индивидуальных должно тем или иным образом компенсироваться публичному интересу, и наоборот — временное отступление от законного частного интереса в пользу публичного также должно возмещаться личности – прямо или косвенно – за счет приобретения некоего нового правового блага [6, с. 68–77].

Следует различать общее и специальное бремя доказывания, а также бремя утверждения. Общее бремя доказывания состоит в том, что каждая из сторон одинаково должна доказать то, что утверждает.

Развитие и конкретизация таких новых стандартов с учетом не только фактической доказанности, но и ряда описанных выше моментов

формализации, может явиться одним из главных путей преобразования процесса доказывания в обозримом будущем.

Литература

1. Прохоров Ю.Б. Доказательства в уголовном процессе: гносеологическая и правовая интерпретация. СПб.: Государственный ун-т технологии и дизайна, 2004.

2. Есина А.С., Арестова Е.Н., Жамкова О.Е. Дознание в органах внутренних дел : учебник и практикум для вузов. М.: Юрайт, 2018.

3. Практика применения уголовно-процессуального кодекса РФ в 2 ч. Часть 1: практическое пособие / Отв. ред. В.М. Лебедев. 7-е изд., пер. и доп. М.: Юрайт, 2018.

4. Адаменко И.Е., Зинченко И.А. Доказательства и источники доказательств в уголовном процессе // Библиотека криминалиста. 2013. № 1 (6).

5. Белоковылский М.С. Проблемы допустимости доказательств, полученных на основе непроцессуальной информации: Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Николая Сергеевича Алексева «Обвинение и защита по уголовным делам: исторический опыт и современность» / Под редакцией Н.Г. Стойко. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2015.

6. Александров А.С., Никонов М.А. К основаниям теории доказательств в состязательном уголовном процессе // Вестник Волгоградской Академии МВД России. 2013. № 2 (25).

7. Есина А.С., Арестова Е.Н., Жамкова О.Е. Дознание в органах внутренних дел: учебник и практикум для вузов. М.: Юрайт, 2018.

8. Жиряев А.С. Теория улик. Дерпт: Тип. Г. Лаакманна, 1855.

9. Белкин А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. В 2 ч. Часть 1: учебное пособие для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2018.

10. Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе: учебник для бакалавриата и магистратуры. 7-е изд., пер. и доп. М.: Юрайт, 2018.

© Бюллетень магистранта 2018 год № 6